

А. С. Скоробогатов
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

СИЛОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ И ФОРМЫ РАЦИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ (ОПЫТ ЭКОНОМИКИ ИСТОРИИ)*

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь между силовым ресурсом и рациональным поведением в истории. Показывается, что личный интерес выражается в общественно-полезной хозяйственной деятельности индивидов лишь при отсутствии у них надлежащего силового потенциала. Этот общий принцип иллюстрируется примерами из средневековой истории России, связанными со спецификой торговли по пути «из варяг в греки», с землевладением и менявшейся социальной структурой. Далее развивается и иллюстрируется тезис об усилении связи между хозяйством и силовым потенциалом, позволяющей объяснить изменения в распределении силы, институтах и экономическом росте в Западном мире в Новое время. Описывается социальная динамика, при которой занятия, не являющиеся признаком высокого положения, осваивают социальные низы и на этом, пользуясь своей монополией, возвышаются.

Ключевые слова. Дилемма заключенных, гипотеза рациональности, история России, экономика истории, новое время.

* Настоящая статья является главой монографии «Экономика истории. Очерки по теории исторического развития», которая готовится к публикации в Издательском Доме НИУ-ВШЭ.

A. S. Skorobogatov

National Research University «Higher School of Economics»,
St. Petersburg, Russian Federation

POWER POTENTIAL AND FORMS OF RATIONAL BEHAVIOR 【the Experience of Economics of History】

Abstract. The article examines the relationship between power resource and rational behavior in history. It is shown that personal interest is expressed in socially useful economic activities of individuals only if they had no adequate power potential. This general principle is illustrated by examples of Russian medieval history that are associated with the specifics of the trade route «from the Varangians to the Greeks», with land ownership and changing social structure. Further the thesis of the strengthening of the connection between economy and power potential that helps to explain changes in the distribution of power, institutions and economic growth in the Western world in Modern history is elaborated and illustrated. Moreover, the author describes the social dynamics in situations when low social classes expand at social bottoms and, using their monopoly there, exalt.

Keywords. Prisoner's dilemma, the hypothesis of rationality, the history of Russia, economics of history, modern history.

Люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость

Н. Макиавелли [7, с. 115]

Рациональное поведение традиционно рассматривалось в отрыве от возможности рационального же применения силы. Это стало одним из выражений принятого в неоклассической теории допущения о совершенстве и однородности институциональной среды. Однако, подобно предпосылке о совершенстве и однородности естественной среды, данное допущение также нуждается в смягчении для расширения диапа-

зона исторических явлений, которые могут анализироваться методами экономической науки.

Расширительное понимание «экономического человека»

Основу экономического анализа составляет предложенный Смитом принцип «экономического человека». Типичный член общества всегда действует в личных интересах. В то же время жесткие правовые рамки рыночной экономики — это та «необходимость», которая его «принуждает к добру». С самого зарождения экономической науки человеку приписывался своего рода «разумный» эгоизм — такая забота об индивидуальной выгоде, которая находилась бы в согласии с аналогичными «заботами» других людей. Приписываемая человеку индивидуальная рациональность, побуждающая его действовать в интересах общества, длительное время была основополагающим принципом экономической науки, заставлявшим ее игнорировать поведение эгоистов при отсутствии указанных правовых ограничений.

При изучении истории нетрудно заметить, что такие благотворные рамки для проявления человеческого эгоизма являются скорее исключением, чем правилом. И потому применение экономического метода к истории должно быть связано с расширительным пониманием ее основного принципа — принципа индивидуальной рациональности.

Такое расширительное понимание, не лишая принцип рациональности главенствующего положения в рамках экономического метода, допускает проявление этого свойства и в отсутствие жестких правовых рамок идеальной рыночной экономики, ставящих людей в равное положение. При наличии этих рамок эгоист может быть вынужден в поисках индивидуальной выгоды действовать созидательно и быть полезным для окружающих. Но вне таковых правовых рамок он не преминет воспользоваться возможностями получе-

ния выгоды, проистекающими из применения силы. При таких условиях созидание будет уделом лишь относительно слабых рациональных агентов, тогда как более сильные будут употреблять свой эгоизм не для созидания с целью обмена, а для грабежа.

Условия, когда созидательная хозяйственная деятельность оказывается проклятием слабости, никак не могут стимулировать экономический прогресс. Люди при этом более всего стремятся обзавестись и наиболее дорожат силовым, а не экономическим, потенциалом. Те же, кому не посчастливилось стать его обладателями, учитывая неизбежность перемещения результатов их труда к более счастливым их собратьям, не будут иметь основания заботиться о долгосрочном процветании своих хозяйств.

Примат силы как первичный фактор истории и связанный с ним низкий уровень хозяйства объясняют то, почему на протяжении большей части истории общества производили сравнительно небольшой излишек сверх минимума средств существования, а обладателями этого излишка становились немногие обладатели силы, причем после доказательства ее наличия в борьбе с подобными себе. Для более слабых рациональных агентов поиск личной выгоды по необходимости должен был выражаться в стремлении не столько к улучшению, сколько к сохранению собственной жизни. Таким образом, тип разборчивого потребителя следует рассматривать не как единственно возможное обнаружение «экономического человека» в реальной жизни, а лишь как его проявление в современной западной жизни, затрудняющей осуществление грабежа и гарантирующей средства существования. В других исторических контекстах для него будет характерной скорее простая борьба за выживание.

Применение силы — это частный, хотя и, возможно, самый яркий пример некооперативного поведения игроков в дилемме заключенных, некогда обозначен-

ный Т. Гоббсом как «война всех против всех» [3]. Однако, в полном смысле, такая война не может быть единственным содержанием истории по причине как ее крайней разорительности вплоть до полного истребления людьми друг друга, так и неравномерности в распределении силы между людьми и коллективами. Это означает, что рациональное поведение включает в себя стремление людей договориться не истреблять друг друга. Такой результат на языке дилеммы заключенных соответствует ее разрешению в случае игры с бесконечным/неопределенным количеством раундов. Выгоды долгосрочного сотрудничества в этом случае могут оказаться более весомыми по сравнению с выигрышем от однократного вероломства, пресекающего возможности дальнейших конструктивных отношений сторон.

Классическая дилемма заключенных предполагает наличие у игроков равных возможностей соперничающего поведения, так что отказ от сотрудничества должен навлечь на них и одинаковые потери. Но если учесть обычно имеющее место неравенство таковых возможностей, то и взаимовыгодное сотрудничество сторон также должно иметь асимметричный характер и осуществляться на основе иерархии, а не на принципах равенства, как это проиллюстрировано в Табл. 1. Согласно представленному числовому примеру, игрок А обладает вдвое большим силовым потенциалом, чем игрок В, так что в случае соперничества его выигрыш будет вдвое выше. Соответственно, если они договорятся об отказе от борьбы друг с другом, они выиграют от этого, но разделят этот выигрыш с учетом разности их потенциалов, оставляя игроку В вдвое меньший выигрыш. Наконец, одностороннее вероломство, опять-таки, позволяет получить однократный выигрыш, но снова различающийся в соответствии с их неравными потенциалами. Этому примеру могут соответствовать две страны с вдвое различающимся силовым потенци-

алом, война между которыми разоряет их обеих, но и степень разорительности войны, и выигрыш от внезапного нападения, и разделение выгод по результатам мирных переговоров, должны соответствовать разности их военных потенциалов.

Таблица 1

Дилемма между сотрудничеством и соперничеством при различии потенциалом игроков

Игрок А \ Игрок В	С	Р
С	8,4	0,5
Р	10,0	2,1

Такой тип решения дилеммы заключенных, вероятно, является одним из наиболее общих описаний социального порядка. Под него подпадают и человеческие отношения в локальных сообществах, в которых люди, равны ли или неравны их силовые возможности, дорожат взаимной дружбой из-за ее долгосрочных выгод. То, что их стимулы к сотрудничеству проистекают из длительных отношений в группе, ярко обнаруживается в тех случаях, когда они готовы вести себя вероломно по отношению к чужакам. В истории поведение членов локальных сообществ, основанное на двойных стандартах отношения к своим и чужим, является до такой степени типичным, что его можно считать закономерно связанным с описанной системой стимулов.

В широком смысле, под это решение подпадает и добропорядочное поведение граждан крупных сообществ. Здесь подчинение правилам может рассматриваться как проявление сотрудничества людей не столько между собой, сколько между ними и тем агентом, который эти правила установил, заинтересован в их соблюдении и может наказать за их нарушение. В результате безличные правовые отношения между гражданами оказываются выражением отношений между

ними как подданными и государством. И ориентация на долгосрочные отношения, при которых выгоднее дружить, чем враждовать, здесь обнаруживает ту же логику, что и в локальных группах. Если рассуждать от противного, человеку легче совершить преступление против государства, отношения с которым он планирует прервать (скажем, путем эмиграции).

Ипостаси «экономического человека» в разных социально-экономических контекстах

Теорема Коуза — один из основных принципов современной экономики — предполагает взгляд на мир глазами Панглосса: наш мир — наилучший из возможных, поскольку, если есть возможность улучшения, будь то в экономической или политической сфере, она будет использована посредством добровольных сделок. Почему же тогда многие очевидные несовершенства мира сохраняются длительное время? Олсон отвечает, что помимо самовыполняющихся сделок, существуют сделки, требующие третьей стороны. Существует целая сфера жизни, связанная с грабежом, а не обменом, и несовершенство мира связано с несовершенной адаптацией к этой стороне. Сделкам всегда мешает альтернатива в виде грабежа [16].

«Экономический человек» может выступать в различных ипостасях. К одной разновидности его ипостасей можно отнести человека «традиционного» и «современного», где первый заботиться о сохранении своей жизни, а второй — о ее качестве, характер же этих «забот» определяется «институциональными условиями», определяющими доступность средств существования и возможность применения силы. В качестве еще одной разновидности самовыражений «экономического человека», при условии обладания им силой, можно указать на предложенные М. Олсоном типы кочующего и оседлого бандитов. В полном со-

ответствии с основной идеей дилеммы заключенных, бандит в этой модели ведет себя со своими жертвами в зависимости от ожидаемой длительности их отношений. Кочующий бандит извлекает полную выгоду из возможности краткосрочного грабежа, предоставляемой ему его силовым преимуществом над жертвой, которая, оказавшись сильнее она, повела бы себя точно также по отношению к нему. Это хищник, действующий по принципам войны всех против всех, поскольку не рассчитывает на будущие выгоды от текущего воздержания от насилия. Но если такие долгосрочные расчеты появляются, бандит становится оседлым. Его отношения с обираемыми приобретают характер сотрудничества. Контракт между бандитом и обираемыми можно рассматривать как момент перехода от дикого состояния войны всех против всех к организованному обществу, но с той оговоркой, что в отличие от рыночной идилии традиционной экономической теории, это сообщество неравных и потому иерархическое.

Итак, индивидуальная рациональность, неравенство силовых возможностей и долгосрочные выгоды сотрудничества — вот три кита, лежащие в основе любого общества в истории. Рациональность побуждает людей к грабежу — к соперничеству за раздел редких благ, но такой раздел возможен лишь при условии созидательной деятельности, которая не может совершиться без сотрудничества. Так, необходимость производства заставляет людей придавать своим отношениям контрактный характер, а неравенство в распределении силы между ними делает такие отношения иерархическими.

Силовой потенциал, таким образом, оказывается основным передаточным звеном между личным интересом и действиями «экономического человека». От сравнительной величины этого потенциала зависит, будет ли он искать личной выгоды в производстве или

в распределении. Поскольку именно сфера распределения является уделом сильных и, значит, источником излишка сверх минимума средств существования, это предполагает доминирование стимулов распределительных над производительными, явную предпочтительность возможностей силовых перед хозяйственными в качестве направления развития «карьеры» рационального индивида.

Общества в истории — это системы долгосрочных отношений между людьми с различным силовым потенциалом. Потому любое общество — это контракт между неравными. Силовые ресурсы, подобно прочим ресурсам, подлежат накоплению, а также могут быть результатом грабежа — такого одностороннего применения силы, которое изменяет соотношение силовых потенциалов в пользу агрессора. Так может возникнуть эксплуататорское равновесие, проиллюстрированное с помощью Табл. 2 и 3.

Числовой пример в Табл. 2 иллюстрирует обычную дилемму между сотрудничеством и соперничеством, разрешаемую в пользу последнего в случае отсутствия перспективы длительных отношений между игроками. Равновесие доминирующих стратегий достигается в результате выбора каждым наилучшей стратегии в плане максимизации ожидаемой индивидуальной полезности. В Таблице 3 тот же пример представлен с небольшими изменениями в выигрышах в случае одностороннего вероломства, а именно «потерпевший», хотя и страдает от одностороннего соперничества второго игрока, все же потеряет больше, ответив тем же. Два обозначенных звездочками равновесия Нэша являются эксплуататорскими равновесиями в том отношении, что один из игроков получает выигрыш за счет другого без риска быть наказанным последним, поскольку в условиях равновесия у него не будет стимула в одностороннем порядке изменить свою стратегию.

Таблица 2

Обычная дилемма заключенного

Игрок А \ Игрок В	С	R
С	4, 4	0, 5
R	5, 0	1, 1

Таблица 3

Эксплуататорское равновесие

Игрок А \ Игрок В	С	R
С	4, 4	2, 5(*)
R	5, 2(*)	1, 1

Этот и предыдущий числовые примеры иллюстрируют мысль о возможности равновесия в условиях эксплуатации одними других — равновесия, связанного с отсутствием заинтересованности не только у эксплуататора, но и у эксплуатируемого в одностороннем изменении своей стратегии, в частности, в том, чтобы наказать эксплуататора, ответив ему аналогичной стратегией. Изначальной предпосылкой общества является дилемма между соперничеством и сотрудничеством, и ее положительное решение с необходимостью предполагает некое принуждение, которое может оказываться быстро, с помощью физического насилия, или медленно, с помощью рационального расчета. Общество строится тем, кто обладает силой, и тем самым государство же оказывается первичным и по отношению к хозяйству.

Хозяйство как удел слабых

Представленные выше соображения относительно доминирования мотивов грабежа над мотивами производства в доиндустриальном мире могут быть проиллюстрированы целым рядом исторических примеров. Поскольку главным источником богатства

является доступ к контролю над аппаратом насилия, занятие хозяйством обычно шло рука об руку с бедностью и низким положением. Это, однако, не исключает и такой возможности как возвышение благодаря вынужденному выбору занятия, являющегося признаком низкого положения. Всеобщее нежелание заниматься такого рода занятиями приводит к их освоению социальными низами, которые, пользуясь своей монополией, приобретают определенное влияние.

Такую роль в истории нередко играли различные меньшинства. Так в средневековой Европе национальные и религиозные меньшинства в лице итальянцев и евреев осваивали такие значимые для хозяйства отрасли как ростовщичество и торговля на дальние расстояния. Аналогичную роль играли и религиозные меньшинства в лице протестантов в католических странах, старообрядцев в Российской империи [10], армян на мусульманском Востоке [2]. Люди, принадлежавшие к этим группам, обычно были лишены возможности сделать карьеру во всеми уважаемых сферах деятельности, что оставляло им лишь наиболее презируемые виды занятий. Однако такими презируемыми занятиями нередко становились именно те занятия, которые определяли развитие экономики, основанной на разделении труда и получении выгод от торговли.

Традицию освоения социальными низами разнообразных хозяйственных видов деятельности можно обнаружить и в античных обществах. Те, кто был непосредственно занят торговлей, ремеслом или иной формой производительного хозяйства, занимали сравнительно низкое положение в обществе: это была нижняя прослойка среди свободных, ярким примером которой могут служить метеки в Афинах — свободное население, но лишенное гражданских прав. При принятии политических решений их интересы могли учитываться, но не как производительного класса, а как потенциальной общественной силы. Безусловное до-

минирование вопросов распределения и отчуждения над вопросами производства означало, что для рационального индивида, помещенного в античные институциональные условия, проблема редкости каких-то благ решалась не экономическими, а политическими методами, — думали не о том, чтобы произвести, а том, чтобы отнять. Такая ориентация не на увеличение пирога, а на его выгодное распределение, приводила и к полной невосприимчивости потенциальных инвесторов в лице власти и элиты к инновациям. В результате невиданный в истории прогресс научной и технической мысли, достигнутый греческими учеными и инженерами, не создавал предпосылок к чему-либо подобному промышленной революции¹.

Распределение занятий между сильными и слабыми в средневековой Руси: торговля

Как уже говорилось, освоение территории, ставшей колыбелью русского государства, было вызвано потенциальными торговыми выгодами. Стремление к их получению со стороны вождей варяжских дружин стало причиной освоения ими данной территории и позднее организации на ней первого русского государственного устройства. Торговля же как вид деятельности в данном случае имела ту особенность, сравнительно с вышеприведенными примерами, что была занятием не только не презренным, но и выступала как отличительный признак сильных. Такой своей спецификой древнерусская торговля как на Волге, так и на Днепре была во многом обязана ее соединению с разбоем. Разбоем добывался товар на продажу — дань с туземного населения и пленники, предназначенные для продажи на невольничьих рынках Багдада, Константинополя и других арабских и византийских горо-

¹ Яркий пример — изобретение Героном Александрийским паровой машины, не приведшее ни к каким экономическим последствиям [1, с. 559–560].

дов. Разбоем же устанавливались и условия торговли, так что главные выгоды от нее доставались стороне, относительные издержки которой в случае военного столкновения были меньше по причине ее силового преимущества или меньшей уязвимости из-за ее сравнительной бедности или мобильности.

Как раз этой цели служили знаменитые «походы на Царьград», предпринимавшиеся первыми варяжскими правителями Киева Аскольдом и Диром до 859 г., Олегом в 907 г. и Игорем в 941 и 944 гг., болгарский поход Святослава в 971 г., поход Владимира на Корсунь в 988 г. и, наконец, поход Ярослава в 1043 г. Конечно, эти походы нельзя свести только к одной цели установления выгодных торговых отношений: первый поход был сугубо разбойничьим; болгарский поход — в исполнение военных договоренностей Святослава с императором Иоанном Цимисхием, завершившийся их столкновением; поход на Корсунь — как средство добиться выполнения договоренностей Владимира с императором Василием Болгаробойцей о выдаче русскому князю царской сестры Анны в обмен на военную поддержку в период смуты, предшествовавшей воцарению Василия; а поход Ярослава — как ответ на убийство русских купцов в Константинополе. Однако все эти поводы так или иначе были связаны с одним главным мотивом русских князей — желанием приобщиться к богатствам Византийской империи через выбивание выгодных торговых условий или через простой грабеж. Этот мотив, обозначенный Ключевским как приобретение «заморских рынков» [5, с. 163–178], вкуче с необходимостью расчистки и охраны торговых путей и примыкавших к ним степных границ, означал, что деятельность русских князей помимо традиционного соединения торговли с разбоем, когда дело шло о торговых партнерах, должна была также сочетать и грабеж с охраной, поскольку дело касалось обираемого туземного населения.

В качестве последнего выступало славянское население. Славяне и варяги почти одновременно осваивали два параллельных пути — днепровский и волжский. Славяне — как купцы в северном Причерноморье под защитой хазарского кагана, варяги — как разбойники, торговавшие с болгарами и хазарами награбленным (в основном рабами) у славян. Хазария была первым цивилизованным государством, с которым имели дело варяги, а затем, по мере упадка Хазарии, их внимание все больше переключалось на Византию.

Итак, поскольку торговля была тесно связана с грабежом и сама представляла собой своего рода цивилизованный грабеж, который сулил обогащение сверх необходимого, она должна была быть занятием сильных. Торговля же, осваиваемая слабыми, как в ту эпоху, так и в более позднее время, было занятием общедоступным и, потому, малоприбыльным, выгоды от которого слишком скромны, чтобы вызывать у их получателей потребность в силовых ресурсах для их защиты.

Распределение занятий между сильными и слабыми в средневековой Руси: сельское хозяйство и промыслы

Самым распространенным уделом слабых во все времена, и в том числе в России, было занятие сельским хозяйством, из-за чего деревня почти во все времена и во всех обществах была объектом эксплуатации со стороны города. В удельной Руси жителями деревни было подавляющее большинство населения, относящегося как разным социальным слоям, и здесь эксплуатации подвергались крестьяне — те деревенские жители, которые собственно и были заняты производительным трудом на земле. Крестьяне и земли которые они обрабатывали, распались на княжеские, частновладельческие и черные, в зависимости от того вели ли они хозяйство на княжеских/боярских землях или же они у них было собственное хозяйство на своей земле. Последние были объектом жестокой эксплуатации со

стороны князей, выражавшейся во множестве разнообразных тяжелых и беспорядочных повинностей в их пользу, таких как содержание княжеских наместников, ездовых (гонцов), рыболовов, охотников и прочих людей и их лошадей; сельскохозяйственные работы в княжеских селах, участие в промыслах (звероловство, рыболовство и т. д.) в пользу князя [6]. Все это неминуемо вело к разорению хозяйств черных крестьян. В результате крестьяне — либо по причине разорения, либо предупреждая его — закладывались под частных или публичных вотчинников, утрачивая тем самым свою самостоятельность и превращаясь в частновладельческих или дворцовых крестьян.

В чем заключалась разница в правовых отношениях между князьями и крестьянами черными, с одной стороны, и дворцовыми, с другой? Чем объяснить исчезновение стимулов у князей к чрезмерной эксплуатации формально свободных крестьян, которые должны были платить им подати, при попадании тех в личную зависимость от них? В последнем случае князья, видимо, берегли свою собственность, но разве те же соображения не оставались бы в силе и в отношении черных крестьян? Казалось бы, стимулы оседлого бандита в равной мере здесь должны иметь место применительно как к черным, так и к дворцовым крестьянам.

В действительности же, стимулы князей в отношении черных крестьян были скорее стимулами кочующего бандита, если учесть кочевой же характер крестьянского образа жизни с подсечно-огневым хозяйством. Село, создававшееся такими кочевниками-земледельцами, могло состоять из одного двора, хозяйство которого ведет большая семья, на основе которого впоследствии при отсоединении сыновей складывалась деревня из 2–4 дворов. К деревне относились пожни (сенокосы), бортья, лес, водные уголья, рыбные ловища.

Уже упоминавшаяся община как основная форма сельской организации естественно сформировалась на основе родственных отношений, объединявших несколько дворов в деревни. Земли, осваиваемые таким образом, изначально были полностью освобождены от каких-либо повинностей по простой причине отсутствия информации о них. Когда же о таковых землях становилось известно, они объявлялись князьями частью их удела с соответствующими последствиями в виде тягла с крестьян в пользу князя. В результате самые первые функции, выполнявшиеся общиной, — защита общей территории от захвата чужими и распределение земельных участков, включавшее распоряжение выморочными и пустопорожными землями и угодьями, — дополнялись административными функциями, связанными со взиманием податей и установлением правопорядка в соответствии с принадлежностью этих земель к княжеским уделам.

Исходя из этого, легко объяснить, почему среди трех разрядов земель, относившихся к уделам князей, — дворцовых, частновладельческих (боярских и церковных) и черных — происходило постоянное сокращение удельного веса последних. Князь как правитель и частный собственник своего удела формально был собственником как дворцовых земель, содержащих княжеский двор, так и частновладельческих и черных, становившихся княжескими в результате их обнаружения. Частные земли — светские, принадлежавшие боярам, и церковные, которыми владели монастыри, архиереи или приходские общины, — приобретались путем покупки у князя или дарения. Последнее было особенно распространенным в отношении церковных собственников, чаще всего приобретавших земельную собственность по духовному завещанию какого-либо светского землевладельца. Практиковался и такой способ обзаведения землей как захват свободных и даже занятых земель при наличии способности эту землю

отнять и отстоять. В отличие от черных земель, дворцовые и частновладельческие земли обрабатывались холопами, закупам или же полусвободными арендаторами, каковыми становились черные крестьяне после утраты своего независимого положения.

В удельной Руси, по выражению Ключевского, «земля платила [подати], а человек [в лице боярина] служил». В этом удельные порядки отличались от порядков Московской Руси, в которой земля и платила, и служила, хотя эта плата и служба исходили от разных социальных классов — тяглого и служилого населения. Поскольку в удельную эпоху вотчина князя включала в себя помимо дворцовых земель, находящихся в частной собственности князей, также и частновладельческие и черные земли, права собственности в отношении последних расщеплялись на частную собственность для частных владельцев и публичную собственность для князя. Первая включала в себя право пользования, наследования и т. д., а последняя — право на взимание податей с этих земель. Правда такое же расщепление имелось и на землях частновладельческих — боярин или игумен превращался в сеньора, выполнявшего полицейские и оборонные функции в пользу населения его вотчины в обмен на соответствующие повинности.

Упомянутое сокращение удельного веса черных земель в удельный период приводило к концентрации земли в руках светских и духовных вотчинников, что было связано с распределением силового потенциала в тогдашнем обществе. Именно этим распределением силы можно объяснить то, что повинности частных вотчинников были вполне умеренными, тогда как повинности черных крестьян — разорительными. Во-первых, частные вотчинники сами выполняли определенные функции в пользу князя, за которые он им обязан был вознаграждением, — духовные вотчинники молились, а светские — воевали. Таким образом,

в то время как те обязаны князю податью, князь обязан им вознаграждением за наемную военную службу или молитву. Естественно предположить, что эти встречные обязательства частично или полностью взаимно погашались. Во-вторых, и это гораздо важнее, правитель, согласно неоклассической теории государства Норта, распределяет налоговое бремя между различными классами населения в соответствии с их относительным силовым потенциалом, чтобы «не вызывать ненависти у тех, кто сильнее» [7, с. 101], поскольку они располагают большими возможностями в плане замены правителя [14, ch. 3]. В рассматриваемом случае и светские, и церковные вотчины, как и подобает средневековым имениями, были крепостями с военными гарнизонами, тогда как черные земли представляли собой сельскохозяйственные и промышленные угодья и крестьянские дворы. В отношении церковных вотчин можно также добавить, что их силовой потенциал, включая то, что было и у светских вотчинников, проистекал также и из религиозной веры и суеверных страхов, обеспечивавших также и мощную поддержку народа, что, наряду с религиозными убеждениями самих князей, может объяснять то, почему зачастую они вообще были освобождены от уплаты податей.

Указанной концентрации землевладения соответствовала и эволюция социального положения крестьянского свободного населения. Его представители обозначались термином «смерды», однако их статус понижался на протяжении удельного периода. Изначально смерд – свободный человек, который живет сельским хозяйством и промыслами, несет повинности в пользу государства и даже служит в армии. Однако отсутствие у смердов каких-либо привилегий в плане повинностей в пользу князя, имевшихся у вотчинников, возлагали на них основную тяжесть налогового бремени, что разоряло их, способствуя переходу их

земель в руки вотчинников. Последние же имели налоговые привилегии, каковые они получали в форме жалованных грамот — иммунитетов, в соответствии с которыми их повинности в пользу князей ограничивались вплоть до их полной отмены. Эти привилегии вкупе с недостатком рабочих рук давали вотчинникам возможность и стимул предлагать более выгодные условия крестьянам в случае перехода их земель под их контроль по сравнению с их «черным» статусом на княжеских землях. В этом случае такая ограниченная эксплуатация крестьян с их стороны естественно объясняется их стимулами как «оседлых бандитов», отличными от стимулов князей, сближающих тех, как уже говорилось, с бандитами «кочующими».

Результатом становилась массовая трансформация черных земель в вотчинные в процессе либо разорения крестьян из-за поборов, либо их предупредительных мер в форме закладничества. Последнее представляло собой институт, схожий с патронатом селений и commendацией земель на средневековом Западе, который предполагал переход под покровительство князя, боярина или монастыря, но с умалением свободы, так что свободные крестьяне становились «заступными людьми». Попад в личную зависимость, они могли превращаться в изорников (сельских работников), огородников или кочетников (рыболовов) вотчинника. В случае получения «покруты» — ссуды от вотчинника — имело место ограничение перехода².

² Похожие тенденции потери земельной собственности крестьянами встречались в разное время и в разных странах. Например, в Римской республике италийский крестьянин мог лишиться своего участка в том числе и насильственно [8]. Другой похожий пример — отчуждение средств производства от непосредственных производителей в процессе огораживаний. Общим здесь является неспособность простого крестьянина защитить свою собственность; заинтересованность сильного в расширении своей собственности и реализация своего силового потенциала для этой цели; утрата свободы для простого населения вслед за утратой собственности; заинтересованность сильных в использо-

Отношения между людьми, строящиеся на предоставлении защиты в обмен на свободу, были характерны не только для средневековой Руси, но и для любого общества, испытывающего дефицит правопорядка. И в современной жизни в любом другом коллективе, где отношения во многом строятся по соотношению физических сил, — в тюрьме, в армии, в школе — слабый может приобрести некоторую неуязвимость, став другом сильного, но эта дружба может стоить ему некоторой части его свободы. Ярким пространственным примером такого рода сделок являются средневековые города с городищем как укрепленным местом, принадлежащем вотчиннику, и посадом как окружающим городище поселением крестьян, готовых искать убежища за стенами городища в случае опасности³. Разумеется, что во всех этих случаях обладатель соответствующего силового ресурса претендует на часть свободы своего клиента.

Соотношение хозяйства и прочих сфер общественной жизни в доиндустриальном мире

Представленные исторические иллюстрации дают возможность увидеть характерную для доиндустриального мира тенденцию располагать хозяйственную деятельность внизу социальной иерархии, делая ее проклятием слабости. То, что в доиндустриальном мире хозяйство иначе соотносилось с прочими сферами общественной жизни, чем в мире индустриальном, по-разному трактовалось в различных философиях

вании дешевого и, прямо или косвенно, принудительного труда; ориентация крупного землевладения, возникающего на основе бывших мелких крестьянских хозяйств и принудительного труда, на специализацию в рамках международного или межрегионального разделения труда с глубокой переориентацией хозяйства — например с земледелия на скотоводство.

³ Действие этого же принципа можно обнаружить в современной жизни в возникновении стоянок дальнобойщиков и прочих автомобилей вблизи постов ГАИ.

истории. Бывшая общеобязательной в советское время марксистская трактовка увязывает роль хозяйства с классовой структурой общества: в «докапиталистических формациях» эта роль весьма скромна и главным хозяйственным стимулом оказывается «внеэкономическое принуждение», тогда как капитализм впервые выводит на первый план хозяйственный стимул в виде «экономического принуждения», тем самым повышая статус хозяйственной деятельности, естественным логическим результатом чего превращение государства в «орудие эксплуатации пролетариата» со стороны капиталистов.

Одна из наиболее известных историко-социологических трактовок этого доиндустриального соотношения хозяйства и прочих сфер общественной жизни принадлежит К. Поланьи [9]. В своей знаменитой книге «Великая трансформация» он, в частности, доказывал, что хозяйство, включающее обмен, во все времена было составной частью социальной жизни и в плане своей значимости находилось на равных с прочими ее элементами. После же промышленной революции впервые возникает специфически экономическое поведение, которое связано с действиями «экономического человека», ориентированного исключительно на достижение личной выгоды. Экономическое поведение вызывает к жизни особую — рыночную — сферу общественной жизни, одновременно подавляя и устраняя прочие виды поведения и общественной жизни. На языке французской социологии, происходит вторжение экономики во все прочие сферы с прививкой им хозяйственных стереотипов мышления и поведения, и так вместо просто торговли, охватывавшей в прошлом лишь незначительную часть не только общественной, но даже и просто хозяйственной жизни, возникла рыночная торговля, подчинившая себе всю общественную жизнь. Основным отличием традиционной торговли от рыночной торговли, по Поланьи, является

то, что первая опосредована социальными и прочими соображениями, тогда как последняя имеет чисто экономический характер.

Отсюда можно сделать вывод, что в доиндустриальном обществе рациональный расчет не играл большой роли в поведении типичного члена общества и, значит, экономическая теория вовсе непригодна для изучения доиндустриального общества. Однако, если необходимость смягчения жестких неоклассических допущений о совершенстве и однородности естественной и институциональной сред для изучения доиндустриального общества является очевидной, этого нельзя сказать об основополагающей для экономической теории предпосылки рациональности. Нетрудно показать наличие рационального расчета в любых соображениях во все времена, поскольку они необходимо вытекают из ограничений, накладываемых окружающим миром на жизнь человека в плане ее продолжения и удовлетворительности. Поскольку типичный индивид желает жить и жить хорошо, ему придется действовать в соответствии с этой целью. С другой стороны, и в современную эпоху экономическая жизнь оказывается вплетенной в разнообразные контексты, связанные с прочими сферами жизни.

Но несомненно и то, что экономическая сфера быстро прогрессировала в связи с расширением рынка и углублением специализации. В отличие от прошлых эпох, экономика все более и более становится элементом широкой общественной жизни, каковым раньше могло быть только государство, и, наравне с последним, порождает общество как структуру отношений большого количества людей. Как указывает Бродель [1], «зоны молчания» и сейчас занимают обширную область, но прогресс, видимо, в том и состоит, что общество взаимосвязанности, обмена и государства совершает экспансию в зоны. По существу, разница между современным миром и миром прошлым — это

разница между миром, вовлеченным в сеть широких обменов, и миром замкнутым.

Последний не исключает его рационального освоения человеком, что и открывает возможность его изучения под особым — экономическим — углом зрения. Однако, этот угол зрения становится особенно уместен при изучении Нового времени с характерным для него опережением развития экономики сравнительно с другими сферами и ее экспансией в них. Все это не столько привело к доминированию рационального расчета над прочими человеческими мотивами, сколько расширило его сферу применения, включив в нее, помимо соображений выживания, систематическое стремление к повышению уровня жизни и открыв возможность добиться последнего не только путем грабежа, но и через оказание другим полезных услуг.

Существует также и подход к изучению доиндустриального мира, содержащий тенденцию распространять на него понятия, возникшие применительно к миру индустриальному, и нивелирующий различия между современной цивилизацией и развитыми цивилизациями прошлого. Данный подход был развит в трудах знаменитого историка М. Ростовцева, в которых эллинистические государства и Римская империя описываются как «капиталистические общества». Основные свойства индустриальной цивилизации — всеохватность разделения труда и соответствующая ему развитая система прав собственности, восприимчивость к инновациям, наличие экономической науки — распространяются и на античный мир [17; 18]. Эта идея была воспринята и экономистами, например, Р. Хиксом и Д. Нортон, рассматривающих античность как цивилизацию, достижения которой в огромной степени проистекали из развитой системы прав собственности, распространенной рыночной торговли и глубокого разделения труда [13, ch. 4; 14, ch. 8].

Противоположный взгляд на античные экономические достижения был у М. Финли, который в своем классическом труде «Древняя экономика» [12] описывал ее как сугубо архаичную. В античном обществе разделение труда находилось едва ли даже в зачаточном состоянии, поскольку большинство населения жило натуральным хозяйством на земле, а отношения деревни с городом строились не на экономической основе разделения труда и обмена, а на эксплуататорской – в форме простого присвоения городом продукта деревни. Хотя рабы и составляли важную прослойку, более весомую, чем в Новом свете, их использование в хозяйстве, тем более крупном, было незначительным сравнительно с трудом, формально свободным, прилагавшимся к земле своей или чужой на основе найма или аренды. Таким образом, экономики как системы разделения труда, приводимой в движение рынком или центральным органом, не было. Общество было простой суммой натуральных хозяйств (*paterfamilias*), на которые была наброшена сверху система государственной эксплуатации. Торговля, ремесло и прочие городские специальности выступали как обслуживающий персонал элиты. В этом отношении, Спарта как система эксплуатации немногочисленным классом военных многочисленного класса крестьян-илотов является классической моделью социальной организации в античном мире, позднее воспринятой и многими средневековыми обществами, например, Киевской Русью⁴.

⁴ Отношения между юго-восточной и юго-западной частями Пелопоннеса в эпоху господства Спарты на этом полуострове являют крайний пример эксплуатации, включающий регулярно объявляемые войны немногочисленными воинами-профессионалами Лаконики многочисленному крестьянскому населению Мессении с целью поддержания его численности на фиксированном уровне для предотвращения бунтов. Разумеется, не во всех имевших место впоследствии случаях аналогичной общественной организации воспроизводилось и подобное отношение спартацев к илотам, но безусловно общим был перераспределитель-

В этих наблюдениях содержится определенная поддержка идеи о поступательном развитии в истории: античная цивилизация, как ни внушительны ее достижения в сфере культуры и социально-политического развития, довольствовалась очень примитивной экономикой. По Финли, она довольствовалась и таким же уровнем мысли в этой области. При всех достижениях греческой мысли в разнообразных областях познания у них отсутствовал концептуальный аппарат экономической науки — такие понятия как экономика, труд, производство, рынок в том абстрактном смысле, при котором они стали инструментами научного анализа. Экономическая мысль находилась на донаучном уровне, т. е. на уровне здравого смысла. Относительно экономики удовлетворялись положениями *ad hoc*, не пытаясь сформулировать общие принципы (superstructures). Экономика не мыслилась как отдельная сфера общественной жизни и, соответственно, предмет анализа [12].

Достижения античной цивилизации в сочетании с последовавшей за ее упадком эпохой «темных веков» на территориях, входивших до этого в Западную Римскую империю, стали основанием для разграничения Древнего мира и логически следующего за ним Нового времени, — воспринявшего и развившего его достижения, — и выделения между ними некоего «потерянного» промежуточного периода Средних веков, растянувшегося на тысячелетие. Однако разрушение античной цивилизации, принесенное этим периодом, было разрушением «созидательным» в плане создания предпосылок для развития современной индустриальной цивилизации. Хотя феодальное общество и уступало античному обществу по своей культуре и творческому потенциалу, в его строении был ряд принци-

ный характер отношений между многочисленным крестьянским населением и немногочисленными, но хорошо организованными воинами.

пиально важных для будущей эпохи конструктивных элементов, отсутствовавших в античном мире.

Как уже говорилось, хозяйственная деятельность в доиндустриальном мире была проклятием слабости, но степень этого «уничтожения» со сменой античной эпохи средневековьем все же уменьшалась, подготавливая наступление Нового времени. Так, в античном обществе в отношениях между городом и деревней первый выступал только как потребитель, а не как поставщик встречной промышленной продукции. При феодализме эти отношения приобретают более взаимовыгодный характер — правилом становится именно обмен, а не обирание деревни городом. С этим связано и различие в социальной структуре между античным и средневековым городами: первый был политической единицей, управлявшейся теми, кто имел доступ к силе, а ремесленники и торговцы располагались внизу; последний же управлялся экономическим классом торговцев и ремесленников, и в своей политике они стремились создать благоприятные условия для собственной экономической деятельности, что нашло выражение в таких специфически средневековых формах организации как гильдии и цеха. Экономический прогресс зависит от того, кто контролирует власть. В античном обществе это были не те, кто производил, и политика поощряла тех, кто отнимал, тогда как в средневековых городах политику делали уже и те, кто производил, что соответственно влияло на условия хозяйства.

Изменение в распределении силы и экономический рост в Новое время

Тенденция к повышению значения тех, кто занимается хозяйством, наметившаяся в средневековых городах, намного усилилась в Новое время, создав тем самым необходимые предпосылки для промышленной революции и последующей индустриализации.

Эта тенденция способствовала постепенному переносу центра тяжести в деятельности активной и привилегированной части общества с распределения на созидание, что в конечном счете и породило европейскую индустриальную цивилизацию. Чем объяснить эту тенденцию и, главное, ее усиление в Новое время? Ответ на этот вопрос, возможно, кроется в прогрессе военного дела. К такому выводу можно прийти, если обратиться к исследованию Р. Бина, посвященному тем новшествам в организации армии и военной стратегии, которые принесло с собой Новое время [11].

По мере совершенствования военных технологий успех в войне во все большей степени стал определяться поступлениями в казну. Это значит, что теперь экономическая деятельность стала находиться в гораздо более тесной связи с деятельностью политиков и военных, чем это было раньше. Сила купцов и промышленников — прослойка, занятых хозяйством, а не войной, — выразилась в обретении ими контроля над политическими институтами в странах Запада. И эта сила, едва ли может быть объяснена иначе как тем, что их добросовестное и творческое отношение к собственному делу стало определяющим для военного потенциала их государств. Конечно, зависимость сильных от производительных классов имело место всегда, но, видимо, она никогда не была такой, чтобы открыть этим производительным классам доступ в высшие слои — доступ, возможный лишь при условии признания их силы, пусть и косвенной, опосредующей потенциал силы у тех, кто пользуется ею напрямую.

Некоторое подтверждение этой мысли можно найти и в сравнении стратегий поведения отсталых народов в отношении развитых стран. В прошлом наиболее типичной стратегией в таких случаях был разбой. И сколько богатых и развитых стран и целых цивилизаций становились жертвами нападений со стороны их, зачастую примитивных, соседей! Римская республика

в пору своей юности поработила все страны Средиземноморья, далеко превосходившие ее богатством и культурой. Впоследствии такая же участь постигла и Рим от германских варваров на Западе и турецких варваров на Востоке. Русь на заре своей истории не мыслила свое преуспевание иначе как посредством грабежа своих культурных соседей (в том числе и Византийской империи), чтобы немногим позже стать объектом бесконечных набегов кочевников, продолжавшихся едва ли не большую часть ее истории.

В наше время стратегия бедных народов коренным образом изменилась. К благам развитой цивилизации теперь они приобщаются посредством мирной иммиграции, а не силой оружия, хотя по воинственной энергии многие выходцы из этих стран, кажется, не уступают своим предкам. Все это говорит лишь о том, что экономическое процветание в наше время стало определенной гарантией безопасности, тогда как в прошлом оно не обеспечивало силовой потенциал его обладателям в такой степени, чтобы оградить их от агрессивной зависти их бедных соседей.

Отсюда можно сделать вывод, что в прошлом экономическое развитие страдало не столько от войн как таковых, сколько от их примитивного характера. Военное дело еще сравнительно слабо опиралось на «трудо-вой подвиг». Мирная производительная деятельность оставалась в небрежении, поскольку не обеспечивала одного из жизненно необходимых благ — безопасности. В новой же истории хозяйство постепенно стало основным источником силового потенциала, что и обеспечило ему ключевое место в жизни современных развитых обществ.

Хозяйство, став источником доступа к контролю над силовыми ресурсами, сделало возможным образование излишка сверх минимума средств существования в руках уже не только, и даже не столько, тех, кто отнимает, но и тех, кто создает. Прогресс общества на

заре цивилизации состоял в производстве прибавочного продукта (если рассуждать здесь в марксистских терминах), который отбирался у его производителей государством — оседлым бандитом, пришедшим на смену бандиту кочующему. В результате у непосредственных производителей по-прежнему оставался минимум средств существования, но теперь он был им гарантирован оседлым бандитом, оказывающим им охранные услуги. В Новое же время прогресс состоял в образовании прибавочного продукта, остающегося в руках самих производителей, что сделало возможным систематическое накопление в хозяйственных целях.

В рамках индустриальной экономики, подверженной колебаниям деловой активности, использование накоплений для целей тезаврации и для инвестирования начиная с Дж. М. Кейнса [4] рассматривается как циклический процесс, в рамках которого происходят приливы инвестиционного оптимизма и отливы со всеобщим бегством в тезаврацию. Эти два способа пользоваться богатством могут рассматриваться и в исторической перспективе, а именно, благодаря образованию прибавочного продукта в руках тех, кто занят хозяйством, и связанному с этим расширению рынка и возможностей торговли тезаврация как типичный способ употребления накоплений все больше уступает место инвестированию.

Таким образом, капитализм — как форма общественной организации, обеспечивающая образование излишков в руках тех, кто занят хозяйством и ориентирован на его расширение, — возможен тогда, когда возможно долгосрочное накопление в частных руках, что требует наличия гарантий частной собственности, проистекающих из доступа к силовым ресурсам. Доступ к силовым ресурсам как условие накопления подробно обсуждалось знаменитыми критиками капитализма, такими как Маркс и Поланьи, но это обсуждение всегда сводилось к такой стороне использо-

вания силовых ресурсов как грабеж, сделавший возможным приобретение капитала для будущих капиталистов.

Но существует и другая сторона использования силы, не менее, если не более, важная для капитализма, а именно, ее употребление для сохранения накопленных. Состояния могут возникать в одночасье посредством преступления или накапливаться из поколения в поколение, но во всех случаях необходимым условием таких накоплений является наличие способности у их обладателей сохранить накопленное — способности, систематически обнаруживаемой у организаторов хозяйства лишь в новое время.

Капитализм — это специфическая форма власти и богатства, отличная от государства как господства, связанного силой. В рамках общественной иерархии его следует располагать непосредственно под вершиной в виде тех, кто во главе государства. Государство поддерживается нижележащей аристократией, которую оно формирует. Эта аристократия может быть политической (военной, бюрократической), т. е. связанной с реализацией прямого принуждения. Может быть экономической, в каком случае и возникает капитализм. Если предпочтение оказывается аристократии политической, общество и хозяйство выстраивается в иерархическом порядке командной экономики, в противном же случае — по типу западного капитализма. Поскольку почти везде и всегда лучшие места связаны с государством, представители капитализма приобретают доступ к силовым ресурсам, либо конвертировав свое рыночное первенство в государственную должность, либо поставив существующее государство себе на службу.

Итак, важнейшим критерием разграничения основных стадий общественного развития — доисторической, доиндустриальной и индустриальной — является теснота связи между хозяйством и силовым потен-

циалом. От этой связи зависит распределение силовых ресурсов между обеспечением созидательной и перераспределительной деятельности, а это, в свою очередь, будет определять относительную интенсивность стимулов, задающих индивидуальные решения вопроса «takeortake» [16], фундаментального для строения общества и потенциала его развития.

По этому критерию, доисторические сообщества характеризуются присваивающим хозяйством и локальными связями, а отношения между сильными и слабыми строятся исключительно на основе принципов кочующего бандита. Доиндустриальный мир в своем классическом виде представляет собой сумму натуральных хозяйств вкупе с наброшенной на нее государственной системой перераспределения прибавочного продукта. Благодаря этой системе именно на этой стадии возникает общество как совокупность вертикальных связей. Основным достижением здесь является выстраивание контрактных отношений между сильными и слабыми, так что на смену кочующему бандиту, забирающему все, приходит бандит оседлый, гарантирующий обираемым им минимум средств существования. Наконец, в рамках индустриальной цивилизации основным источником общества становится рынок с опосредованным им специализированным хозяйством. На этой стадии оседлый бандит утрачивает монополию на силовые ресурсы в пользу охраняемого им населения, что увеличивает относительную значимость горизонтальных связей, обеспечивая тем самым возможность систематического накопления капитала в частных руках [15].

Список использованной литературы

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. : [В 3 т.] / Ф. Бродель ; пер. с фр. Л. Е. Куббеля. — М. : Прогресс, 1992. — Т. 3 : Время мира. — 679 с.

2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : [в 3 т.] / Ф. Бродель ; пер. с фр. [Л.Е. Куббеля]. — [2-е изд.]. — М. : Весь мир, 2006. — Т. 2 : Игры обмена. — 655 с.
3. Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс. — М. : Мысль, 2001. — 476, [3] с.
4. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс // Антология экономической классики : в 2 т. / [сост. И.А. Столяров]. — М. : Эконом, 1992. — Т. 2. — С.137–432.
5. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 1 : Курс русской истории. — Ч. 1 / В. О. Ключевский ; под ред. В. Л. Янина. — М. : Мысль, 1987. — 430 с.
6. Кулишер И. М. История русского народного хозяйства / И. М. Кулишер. — 2-е изд. — Челябинск : Социум, 2004. — XIII, 741, [1] с.
7. Макиавелли Н. Государь : [сб.] / Н. Макиавелли. — М. ; Харьков : ЭКСМО-Пресс Фолио, 1998. — С. 47–121.
8. Моммзен Т. Римская история / Т. Моммзен ; пер. с нем. Т. 1–3,5. — М. : К.Т. Солдатенков, 1887. — Т. 2 : От битвы при Пидне до смерти Суллы. [Кн. 4, Революция]. — [6], 473 с.
9. Поланьи К. Великая трансформация : политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи ; пер. с англ. — СПб. : Алетейя, 2002. — 311, [2] с.
10. Расков Д. Е. Экономические институты старообрядчества / Д. Е. Расков. — СПб. : СПбГУ, 2012. — 343 с.
11. Bean R. War and the Birth of the Nation State / R. Bean // Journal of Economic History. — 1973. — Vol. 33, no. 1. — P. 203–221.
12. Finley M. I. The ancient economy / M. I. Finley. — 2nd ed. — L. : Hogarth Press, 1985. — 262 p.
13. Hicks R. A. Theory of Economic History / R. A. Hicks. — L. : Oxford University Press, 1969.

14. North D. C. Structure and Change in Economic History / D. C. North. — NY : W. W. Norton & Company, Inc., 1981. — 240 p.

15. North D. C. Violence and Social Orders : A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History / D. C. North, J. J. Wallis, B. R. Weingast. — NY : Cambridge University Press, 2009. — 308 p.

16. Olson M. Power and Prosperity. Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships / M. Olson. — NY : Basic Books, 2000. — 233 p.

17. Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. Vol 1-2 / M. Rostovtzeff. — NY : Oxford University Press, 1998. — 847 p.

18. Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. 1-3. — NY: Oxford University Press, 1998. — 1824 p.

Информация об авторе

Скоробогатов Александр Сергеевич — кандидат экономических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургская школа экономики и менеджмента, Департамент экономики, 194100, г. Санкт-Петербург, ул. Кантемировская, д. 3, корп. 1, лит. А, e-mail: skorobogat@mail.ru

Author

Alexander S. Skorobogatov — Ph.D. in Economics, Professor, National Research University “Higher School of Economics”, Campus in St. Petersburg, St. Petersburg School of Economics and Management, Department of Economics, 3, Kantemirovskaya ul., St. Petersburg, 194100, Russian Federation, e-mail: skorobogat@mail.ru

Для цитирования

Скоробогатов А. С. Силовой потенциал и формы рационального поведения (опыт экономики истории) / А. С. Скоробогатов // Историко-экономические исследования. — 2017. — Т. 18, № 3. — С. 511-544. — DOI: 10.17150/2308-2588.2017.18(3).511-544.

For Citation

Skorobogatov A. S. Power Potential and Forms of Rational Behavior (the Experience of Economics of History). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2017, vol. 18, no. 3, pp. 511-544. DOI: 10.17150/2308-2588.2017.18(3).511-544. (In Russian).